

6. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
7. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 212 с.
8. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С.78–95.
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Akademia, 2005. – 640 с.
10. Садикова В.А. Специфика композиции и языка драматического произведения (на материале трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь»): дис... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 1993. – 169 с.
11. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика : монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
12. Станиславский К.С. Об искусстве театра. Избранное. – М.: ВТО, 1982. – 510 с.
13. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.
14. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур : монография. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2009. – 240 с.

УДК 811.112.2'36

Л.В. Самуйлова

FUTURUM: ПРАКТИКА ТЕМПОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (1)

Обсуждаются различные подходы к описанию грамматического статуса немецких форм будущего времени. В поле зрения автора модальная, этимологическая и омонимическая трактовки.

Ключевые слова: темпография, футурум, грамматический статус, временная форма, модальное значение, временное значение.

*Die Zukunft ist als Raum der Möglichkeiten
der Raum unserer Freiheit.*

Karl Jaspers

В лингвистической литературе никогда не прекращались дискуссии по поводу статуса грамматической категории времени. На современном этапе развития лингвистики научная полемика переносится в концептуальную сферу темпологии (Tempologie). Собственно лингвистическое направление изучения способов репрезентации временных отношений представлено нишей темпографии (Tempographie). При этом не теряют своей актуальности ни описание внутриязыковых темпоральных реальностей, ни выход на исследовательскую арену межъязыковых временных конфронтаций и контрастов (см.: [24]).

Eine Tempographie setzt sich zuerst zum Ziel, alle einzelsprachlichen Mittel zum Ausdruck der Zeitlichkeit zu katalogisieren, ihre Bedeutungsnuancen zu präzisieren und mit Bezug auf Textkorpora zu verifizieren, auf diesem Weg einen konzeptuellen Katalog für jede bestimmte Sprache zu erstellen. Dies versteht sich als der sprachinterne Einstieg in das subjektive Zeitbild einer einzelnen Sprachgemeinschaft. Als eine weitere Etappe wäre das kontrastive Erforschen der Zeitlichkeit wichtig, wobei die zuerst getrennt erstellten semantischen Kataloge miteinander kombiniert werden sollten, um das Tertium comparationis für das gegebene Sprachenpaar zu erstellen [Op. cit.: 74].

Лингвистическая наука, накопив богатый материал, касающийся способов употребления форм времени в обоих медиумах – письменности и устности, стремится как и прежде в опоре на него и с помощью современных методов исследования окончательно установить инвентарь глагольных форм времени (план выражения) и дать наиболее адекватное толкование значения и употребления его отдельных составляющих (план содержания). Цель предпринимаемых усилий – построение максимально непротиворечивой временной парадигмы глагола. Этого настоятельно требует практика преподавания языка как иностранного. Симптоматично, что посвященный проблемам теории и практики преподавания немецкого языка как иностранного журнал «Deutsch als Fremdsprache» регулярно предоставляет свои страницы для обсуждения насущных проблем немецкой и сопоставительной темпографии (см. выпуски этого журнала после 1990 года: [8; 14–16; 19–21; 29; 30]). Более половины перечисленных публикаций (5) посвящены немецкому футуруму – форме, статус которой вызывает, пожалуй, самое большое количество вопросов. Многие из них все еще ожидают своего разрешения.

Как представляется, при выяснении значимости футурума за исходные следует принять следующие языковые реалии.

- Известная расчлененность плана выражения (наличие не одной, но нескольких категориальных форм для обозначения будущего времени), а также плана содержания (способность футурума передавать не только будущее, но и настоящее, прошедшее, «всевременность», императивность) не является основанием для отказа от понятия грамматической субкатегории будущего времени, с одной стороны, и для игнорирования футурума как грамматической формы будущего времени немецкого языка, с другой.
- Способность футурума передавать целую гамму модальных оттенков в рамках одного из видов модальности, принятых в логике, – модальности возможности – не говорит об утрате указанной формой ее общего (инвариантного) значения и переходе в категорию наклонения. Неправоммерно также отнесение глагола *werden* к модальным глаголам.

Признание наличия специальных форм времени связано, во-первых, с принятой практикой членения времени в объективной действительности, и, во-вторых, с интерпретацией этого членения в языке при помощи тех

или иных средств (форм и конструкций). При традиционном тройственном делении объективного временного континуума на прошедшее – настоящее – будущее ведущие формы темпоральной системы немецкого языка находятся на «игровом поле времени» (претерит, презенс, футурум I). Однако существуют и другие подходы. В древневерхненемецком, как известно, не было еще сложной временной градации. Конкретность исторического мышления выражалась в дифференциации действия с точки зрения способа его протекания (длительное, повторяющееся, законченное и т.п.), локализовать его во времени мышление еще не научилось. Две временные формы – презенс и претерит – безраздельно господствовали в языке, выражая все необходимые темпоральные отношения. При этом претерит специализировался на передаче прошедшего, а презенс – настоящего и будущего. Некоторые языковеды полагают это противопоставление справедливым и для современного этапа развития немецкого языка. Так, Г. Глинц, признавая временную характеристику глагола его наиболее важным дифференциальным признаком, исходит из противопоставления: «*ist – war, schläft – schlief*», что отвечает общей схеме: «*vergangen – allgemein*» [12: 103, 104]. Согласно рассуждениям Г. Глинца, лишь претерит и презенс являются истинными временными формами (*Zeitformen*). Остальные имеют статус описательных конструкций (*Umschreibungen*).

Оппоненты этой теории признают за футурумом статус аналитической глагольной формы, окончательная грамматикализация которой датируется XVI веком. Стимулирующими факторами введения футурума в парадигму немецкого глагола в качестве грамматической формы времени были следующие (см. об этом: [18; 9: 391–393; 4: 272; 3: 232–234]).

1. Разрушение конструкции «*werden + причастие I*».
2. Отсутствие у футурума каких-либо побочных модальных значений, характерных для конструкций с модальными глаголами. Ср. [18]:
Verglichen mit allen anderen vorhandenen Futurperiphrasen, war *werden + Inf.* Die einzige monoseme Variante, da sie modale Nuancen weitgehend ausschloss.
3. Отсутствие параллельного употребления других форм и конструкций для выражения объективного будущего времени.
4. Широкое распространение формы в развивающемся литературном языке, закрепление ее в грамматиках.

Как известно, ни одна из существующих теорий возникновения немецкого футурума не принимается безоговорочно историками немецкого языка. Автор новой версии – Э. Лайс – находит внешний, а именно славянский стимул к возникновению конструкции «*werden + инфинитив*». Э. Лайс говорит о чешском (богемском) языковом влиянии:

Werden + Inf. ist mit Sicherheit in ostmitteldeutschen Mundarten zuerst nachzuweisen. Es zeigt eine analoge Konstruktion wie tschech. *budu + Inf.*, und es ist später entstanden als das tschechische analytische Futur. Das alles sind wichtige Gründe

tschechischen Einfluß bei der Entstehung des neuhochdeutschen analytischen Futurs anzunehmen [18].

Не менее важным заключением, сделанным Э. Лайс на основе собственного опыта и исследований других авторов, следует считать вывод о первоначальном распространении конструкции «werden + Infinitiv» в разговорной речи с последующим проникновением ее в письменность. Основанием для этого утверждения послужили данные статистических подсчетов, согласно которым функциональным «полигоном» для «werden + Infinitiv» в XV и XVI вв. были преимущественно драматические произведения, а в XVII, XVIII вв. – эпистолярный жанр. Приводимые ниже примеры дают некоторое представление о функциональной палитре футурума XVI и XVIII вв. (выделение подчеркиванием здесь и далее наше. – Л.С.).

*Die sunn wirt dir durch den tag nymer geben schein,
sonnder der herr wirt dein ewigs liecht sein.* (Anonym. Das Münchner Spiel vom sterbenden Menschen)

*Ich hab ihm gsandt den diener mein,
Ich denck er Wirt balt bei vns sein.* (Anonym. Pyramus und Thisbe)

*Ewr Thisbe wirt nicht sein zu hauss,
Ich fand sie in dem wald darauss.* (Anonym. Pyramus und Thisbe)

*Ja, ess wirt an der zeit wol sein,
Drumb lasst vnss sie nur holn herein.* (Anonym. Pyramus und Thisbe)

Sag mir, wie wirts mir gohn diß jahr? (H. Sachs. Faßnacht-spiel mit 5 personen, die rockenstuben genandt)

Wenn Sie nach England kommen, so werden Sie mich sehr verbinden, wenn Sie mich mit Materialien zu einer Fortsetzung meiner Geschichte versehen wollen. Wenn Sie sonderlich ein Buch finden, welches die Geschichte der Schaubühne nach Karl II. bis hieher beschreibt, so senden Sie es mir; ich werde gern alle Kosten erstattten. (G.E. Lessing. Briefwechsel über das Trauerspiel)

Sie werden sagen: erweckt es nicht auch Schrecken? (G.E. Lessing. Briefwechsel über das Trauerspiel)

So bald Sie also, unter andern, meinen Begriff vom Weinen falsch finden werden, so bald werde ich ihn auch verwerfen, und ihn für weiter nichts halten, als für eine gewaltsame Ausdehnung meines Begriffs vom Lachen. (G.E. Lessing. Briefwechsel über das Trauerspiel)

Dieses soll geschehen, so bald der Krieg die Handlung so sehr zu Grunde gerichtet haben wird, daß sowohl Herr Nicolai als ich einige Stunden zur Spekulation übrig haben werden. (M. Mendelssohn. Briefwechsel über das Trauerspiel)

Sie werden mir verzeihen, daß ich die Geduld unsers Hrn. Nicolai nicht gehabt habe, die besten Gedanken daraus in einen Auszug zusammen zu ziehen, um Sie der Mühe zu überheben, alles durchzulesen. (M. Mendelssohn. Briefwechsel über das Trauerspiel)

Unter 1000 Menschen wird nur ein Weltweiser sein, welcher den Tod nicht für das größte Übel, und das Totsein nicht für eine Fortdauer dieses Übels hält! (G.E. Lessing. Briefwechsel über das Trauerspiel)

Как уже отмечалось выше, проблеме будущего в немецкой грамматической науке посвящены многочисленные публикации, однако, оценивая степень ее разработанности, следует признать тот факт, что большинство авторов при анализе категории будущего выбирают в качестве ключевого ономазиологический подход. Путь «от содержания к форме», естественно, ограничивает рамки научного разыскания почти исключительно изучением средств обозначения будущего, т.е. рассмотрением форм и конструкций, синонимичных футуруму по способности выражать в немецком языке перспективность.

Действительно, давно уже ни для кого не является секретом то обстоятельство, что все без исключения временные формы индикатива и конъюнктива, конструкции с модальными глаголами и др. могут выступать в качестве субститутов футурума. Такая расчлененность плана выражения утверждает некоторых исследователей в мысли об отсутствии необходимости в специальных грамматических формах. В качестве дополнительного аргумента приводится ссылка на небольшую частотность футурума I и в особенности футурума II в основной (временной) функции в таких разновидностях немецкого языка, как разговорно-обиходная речь и диалект. Здесь их вытеснили, соответственно, футуральный презенс и перфект. Прогноз на будущее немецкого языка в одной публикации из «Süddeutsche Zeitung» [25], выдержанный, правда, в несколько ироничном тоне, прозвучал приговором обоим футуральным формам:

Das Futur wird nur noch in reaktionären Kreisen gepflegt; wer das Futur II beherrscht, wird so eingeschätzt wie anno 1990 einer, der im Büro Altgriechisch redete.

Ситуация «возврата к прежнему историческому состоянию: прошедшее – настоящее» поддерживает тезис о стремлении языка к экономии. Однако в опоре только на него вряд ли можно объяснить такое сложное явление, как функционирование временных форм. Необходимо иметь в виду, что указанная тенденция не единолично правит в языке, а существует лишь как один из факторов языкового развития. Полярным экономии является стремление к богатству речи и в известном смысле к языковой избыточности. Именно стремление к разнообразию речи объясняет, «почему в процессе развития синтаксической системы < ... > языков происходит не затухание, а, напротив расцвет грамматической синонимии в ее различнейших формах проявления» [1: 14].

Способность временных форм как единиц плана выражения удовлетворять нескольким элементам плана содержания (футуральные формы, например, могут передавать кроме перспективы будущего план настоящего, прошедшего, «всевременность»), вне всякого сомнения, связана с процессом их исторического развития, в ходе которого временные формы, нередко оставляя невыраженными некоторые, казалось бы, исконно «их» значения (так, например, футуруму I не свойственно значение контактного будущего: *ich komme schon* – **ich werde schon kommen*), приобретали воз-

возможность передавать другие. Категория времени «перетянула на себя» часть функций, ранее принадлежавших категории модальности. Этот процесс перераспределения не замедлил развитие и совершенствование самой категории времени, сделав ее реакцию на события внешнего мира более адекватной и более гибкой по отношению к внутреннему миру говорящих и слушающих, пишущих и читающих людей. Эта способность отвечает стремлению языка не создавать особую грамматическую форму, а закреплять выражение какого-либо нового значения в качестве добавочного за уже существующими, расширяя их функциональный спектр. О. Беагель пишет, что с появлением специальной формы будущего немецкий презенс оказался несколько «разгруженным» и нашел себе новое применение в повествовании о прошлом для живописной экранизации события (historisches Präsens). Ср.:

Nachdem durch diese Entwicklung einer neuen Form für die Zukunft das Präsens einigermaßen erleichtert worden, war es eher möglich, diesem seinerseits neue Aufgaben zu überweisen. Seit dem Ausgang der mhd. Zeit dient es auch in der Erzählung zur lebendigen Veranschaulichung des Geschehenen [5: 248].

Значения футурума были расширены еще в XVI веке. Уже тогда фиксируются случаи употребления этой формы для выражения побуждения, а также предположения, причем, не только по отношению к будущему, но и с ориентацией на настоящее (футурум I) и прошедшее (футурум II). См. примеры с футурумом I выше и следующие литературные иллюстрации с использованием футурума II.

Und sie sprachen: Es ist Blut! Die Könige haben sich mit dem Schwert verderbt, und einer wird den andern geschlagen haben. Hui, Moab, mache dich nun auf zur Ausbeute! (M. Luther. Bibel. II. Könige 3.23)

Behüte Gott, sprach er, Aber es sind schreckliche Trangsahnen die du mir sagest, vnd zweiffele ich nicht, die wercke werden an sich selbst noch viel grösser gewesen sein, als du sie mit worten her erzehlest. (J.M. Moscherosch. Wunderbarliche und wahrhaftige Gesichte Philanders von Sittewald)

Анализ только двух произведений Г.Э. Лессинга – комедии «Мина фон Барнхельм» и трагедии «Эмилия Галотти» дает богатый материал для выявления разнообразных оттенков значения футурума I и II.

Предположение по отношению к настоящему:

DER PRINZ: Ich höre kommen. < ... > Es wird Marinelli sein. (Emilia Galotti)

Предположение по отношению к прошедшему:

DAS FRÄULEIN: Er wird es wohl gemerkt haben, daß wir den Text gelesen. (Mina von Barnhelm oder Das Soldatenglück)

Вежливая просьба:

MARINELLI: Gnädiger Herr, Sie werden verzeihen. – Ich war mir eines so frühen Befehls nicht gewärtig. (Emilia Galotti)

У Г.Э. Лессинга встречается очень интересный случай употребления футурума I в риторическом вопросе («риторическое обобщенное»):

FRANZISKA: Wer wird einem Bettler so viel geben? Und ihm noch dazu die Erniedrigung, es erbettelt zu haben, zu ersparen suchen? (Minna von Barnhelm oder Das Soldatenglück)

Такое переосмысление конструкций «werden + инфинитив I–II» объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, наличием в то историческое время модальных оборотов, по структуре сходных с футуральными; во-вторых, близостью модальных и футуральных значений; доказательством служит активное употребление модальных конструкций для передачи будущего времени. Вероятно, определенную роль сыграло также то обстоятельство, что футурум II, образованный по аналогии с *futurum exactum* латинского языка, входившем в парадигму конъюнктива, сохранил свою связь с наклонением (см. об этом, например: [2: 226; 17: 331]. Ср. несколько литературных примеров с модальными глаголами:

SEDTIOSUS. O ja, Er wird ohne allen zweiffel auch da gewesen sein, Wir müssen aber nun darauff gedencken, Was wir jme ferner vor Rhat geben wollen, Wie wir jhme dann zugesagt. (Heinrich Julius Herzog von Braunschweig-Lünebur. Von einem ungeratenen Sohn)

Aber der graff sach es vast geren, das seiner diener ainer die klainat gewonnen het vnd het gemaint, alles sein hoffgesynn solt es geren gesehen haben vnd ynen lieber gewesen sein, dann das ain fremder die klainat weg gefüret hett. (Anonym. Fortunatus)

Was wil werden, wenn die Sonne mehr Sonnen zeugen wird? (M. Luther. Etliche Fabeln aus Esopo von D.M.L. verdeutsch)

Der lewe sprach: Jensid dem berge ligt eine müle, Wer am ersten dahin kömpt, soll gewonnen haben, Wiltu unden hin odder uber den berg lauffen? (M. Luther. Fabeln: Löwe und Esel)

Also im haushalten, wenn knechte und megde thun, was sie gut dunckt, lassen aber anstehen, was man sie heisst, wollen dennoch wohlgethan haben. (M. Luther. Fabeln: Der Knecht mit den drei Amseln)

Таким образом, начиная с XVI века можно говорить о достаточно разветвленной полисемии футурума. Многозначность создала проблему интерпретации. Серьезные попытки определить статус футурума с учетом его второстепенных значений и функций, предпринимавшиеся в XIX и XX столетиях, шли по нескольким направлениям и имели в качестве исходных самые разнообразные послы. На их основе сформировались концепции, семантика определений которых достаточно прозрачна: модальная, этимологическая, инвариантная, омонимическая. Название отражает ключевой принцип подхода к исследуемому феномену.

Модальная трактовка имеет свою традицию в грамматике ряда романно-германских и славянских языков. В немецкой германистике она восходит к работам И. Гейзе [13] и А. Энгелина [10]. Ее смысл раскрывает следующая цитата:

Das Verbum werden verliert < ... > seine zeitliche Bedeutung und wird zum Hilfsverbum des Modus, indem es, wie mögen, können < ... > eine Möglichkeit bezeichnet [13].

В начале прошлого века сторонником данного подхода к рассмотрению форм будущего немецкого языка выступил В. Порциг. Отрицая вообще существование категории будущего времени в современном языке, он отнес футурум к особому «ожидательному наклонению» (Modus der Erwartung) [23: 145]. К мнению В. Порцига присоединяется и И. Эрбен, согласно мнению которого значение конструкции «werden + инфинитив» невозможно подвести ни под какую иную категорию, кроме категории «ожидательного наклонения», окрашенную в зависимости от лица [11: 41]. Однако дальше простой констатации принадлежности футурума к названной выше категории ни один из авторов (или сторонников) этой концепции не идет. В грамматиках нет описания функционирования футурума в рамках категории наклонения.

Приверженцы *этимологического* подхода к анализу футуральных конструкций делают акцент на первоначальном значении глагола werden, которое восходит к индоевропейскому корню wert со значением ‘поворачивать’, ‘крутить’ (wenden, drehen). Ср. латинский глагол vertere (поворачивать) и древневерхненемецкий werden в сумме его вариаций и многозначности: werden, werthan, werdhan, werdin (werden, entstehen, wachsen, hervorkommen; geschehen, eintreten, sich ereignen, stattfinden, auftreten, vorkommen, sein; geboren, erschaffen, gemacht werden; zuteil werden, erreichen; widerfahren, ergehen; kommen, gelangen, geraten; führen, gereichen [22: 737; 28: 317]. Ссылаясь на выявленное первоначальное значение вспомогательного глагола, Х. Бринкман утверждает, что футурум выражает не «будущее как таковое, а специфическое отношение к нему говорящего». Последний «рассчитывает на будущее, как на изменение, известный поворот» [6: 326].

Подобно Х. Бринкману, ищущему разгадку многозначности футурума в первоначальном значении вспомогательного глагола, к werden обращаются и приверженцы теории, которая провозглашает футурум свободной синтаксической конструкцией, а глагол werden – модальным глаголом (см., например, [26; 7]). Такой подход к описанию футурума приводит авторов к строгому разграничению двух (омонимичных) форм – аналитического футурума с werden в качестве темпорального вспомогательного глагола и синтаксической бивербальной конструкции с werden в качестве вспомогательного модального глагола. Именно такой трактовке подвергся футурум в «Грамматике немецкого языка» Дж. Керма [7]. Автор считает футурум I и II во всех значениях, кроме передачи будущего, старыми перифразами настоящего времени, идентичными диалектным формам, не употребляющимся для выражения перспективы. Они некогда имели те же значения, что и простое настоящее, однако, со временем отдифференцировались от по-

следнего, и глагол *werden* стал все более ощущаться как модальный. Эти конструкции и следует, по мнению Дж. Керма, отличать от других, имеющих то же формальное выражение, но указывающих на будущее [Op. cit.: 214]. Подобная же интерпретация встречается у А. Широкауэра [27]. Автор проводит четкую грань между «повсюду признанной» конструкцией «*werden* + инфинитив», имеющей, благодаря близости *werden* модальным вспомогательным глаголам, ясное значение потенциальности, и возникшей в XIII веке в ряде диалектов описательной формой будущего времени «*werden* + инфинитив», которая через посредство верхнесаксонского и восточнофранкского диалектов проникла в немецкий язык. В оригинале::

In einigen Mundarten hat sich seit dem 13. Jahrhundert eine Futurumschreibung mit dem Hilfsverb *werden* entwickelt und mit Hilfe des Ostfränkischen und Obersächsischen gemeindeutsch durchgesetzt; sie ist zu scheiden von der *überall* akzeptierten Verwendung des Hilfsverbum *werden* in potentialer Bedeutung [Op. cit.: 271].

Кроме крайних точек зрения, для которых характерна абсолютизация модальных значений футуральных форм, существуют и другие, изыскивающие пути «примирения» собственно темпоральных и модальных функций футурума I и II. В плане уравнивания статуса и тех и других интересны работы Х. Бринкмана и Г. Глинца. Оба автора при анализе футуральных форм акцентируют, подобно В. Порцигу, значение ожидания. По Х. Бринкману, футурум I – «темпус ожидания» (*Tempus der Erwartung*). Он как бы рассекает временной континуум между «теперь» (*Jetzt*) и «потом» (*Dann*), демонстрируя тем самым ограниченность (эксклюзивность) будущего, на которое говорящий смотрит в ожидании поворота событий [6: 325–329].

Подход Г. Глинца к этой проблеме является попыткой подвести оба значения футурума (собственно временное и модальное) под одну категорию, которая, согласно рассуждениям Г. Глинца, может быть понята как надтемпоральная и надмодальная одновременно. В его толковании «ожидание» (*Ausstehen*) предполагает, с одной стороны, «ожидание реального исполнения» (*Ausstehen der realen Erfüllung*) – будущее, с другой – «ожидание подтверждения реальности выполнения чего-либо» (*Ausstehen des Beleges für etwas vielleicht real schon Erfülltes*) – предположение по отношению к настоящему [12: 340].

Само по себе выдвижение понятия «ожидание» не противоречит природе будущего. Однако, являясь не грамматическим, а концептуально-ментальным, оно не может быть без понятных возражений внесено в чисто грамматическую парадигму в качестве общего (инвариантного) значения, но может с успехом учитываться наряду с «предчувствием», «опасением», «предположением», «обещанием» и т.п. при характеристике отдельных функциональных вариантов форм будущего.

Предпринятый анализ практик темпографического описания немецкого футурума выявил разброс мнений по поводу статусной принадлежности

обеих форм будущего времени немецкого языка и разнообразие подходов к объекту изучения. Планируется продолжить обсуждение проблемы на базе эмпирического материала из медиальной сферы устности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 335 с.
2. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1968. – 262 с.
3. Москальская О.И. История немецкого языка (на немецком языке). – Л.: Просвещение, 1969. – 288 с.
4. Филичева Н.И. История немецкого языка : учеб. пособие. – М.: АCADEMA, 2003. – 304 с.
5. Behaghel, O. Die deutsche Sprache. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1968. – 216 S.
6. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Schwan, 1971. – 282 S.
7. Curme, G.O. Grammar of the German Language. – New York: F. Ungar Pub. Co., 1952. – 332 P.
8. Diewald, G. *Werden & Infinitiv – Versuch einer Zwischenbilanz nebst Ausblick // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer.* – München, Berlin: Langenscheidt, 2005. – Heft 1. – S.23–32.
9. Ebert, R.P., Reichmann, O., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. Frühneuhochdeutsche Grammatik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. – 560 S.
10. Engeli, A. Grammatik der neuhochdeutschen Sprache. – Berlin: Schultze, 1903. – 618 S.
11. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1960. – 208 S.
12. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen. – Bern und München: Francke Verlag, 1973. – 505 S.
13. Heyse, J. Theoretisch-praktische deutsche Grammatik oder Lehrbuch zum reinen und richtigen Sprechen, Lesen und Schreiben der deutschen Sprache, nebst einer kurzen Geschichte derselben. – Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung http://books.google.ru/books?id=vFcGAQAIAAJ&printsec=frontcover&dq=Heyse++Ausf%C3%BChrliches+Lehrbuch+der+deutschen+Sprache&source=bl&ots=Ed25n3UzGc&sig=1dfCjMC-dymekWMyPBR8GQb-0Ew&hl=ru&ei=PPEqTL2iOibEswa7gb2TBw&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0C#v=onepage&q=Heyse%20%20Ausf%C3%BChrliches%20Lehrbuch%20der%20deutschen%20Sprache&f=false
14. Hennig, M. Tempus – gesprochene und geschriebene Welt // *Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer.* – München, Berlin: Langenscheidt, 1998. – Heft 4. – S.227–232.
15. Itayama, M. Werden – modaler als die Modalverben // *Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer.* – München, Berlin: Langenscheidt, 1993. – Heft 4. – S.233–237.
16. Itayama, M. Fragen zum System und Modell der deutschen Verbtempora von Viktor Myrkin // *Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deut-*

- schununterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 1997. – Heft 1. – S. 26.
17. Jellinek, M. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1914. – 392 S.
 18. Leiss, E. Zur Entstehung des neuhochdeutschen analytischen Futurs // <http://www.uni-bamberg.de/~ba4ds1/home.html> (21.04.2008).
 19. Lipsky, A. Eine semantische und pragmatische Darstellung der Konstruktion *werden* + Infinitiv // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 2002. – Heft 2. – S.103–107.
 20. Myrkin, V. Zum System und Modell der deutschen Verbtempora. // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 1995. – Heft 4. – S. 215–218.
 21. Myrkin, V. Zur Konkurrenz zwischen Futur I und Präsens mit Zukunftsbezug. Antworten auf Fragen von Mayumi Itayama // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 1998. – Heft 2. – S.108–110.
 22. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. – Halle (Saale): VEB Niemeyer Verlag, 1961. – 780 S.
 23. Porzig, W. Aufgaben der indogermanischen Syntax // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg. – Heidelberg. – 1924. – S. 126–151.
 24. Radtschenko, O.A. Chancen einer russisch-deutschen kontrastiven Tempographie // Germanistische Studien. – Tbilissi, „Caucasian House“, 2002. – S.73–89.
 25. Unterstöger, H. Deutsch im Jahr 2099. Ein Blick in die Zukunft unserer Sprache. – Süddeutsche Zeitung. – 1999. – Nr. 168. – S. 111.
 26. Saltveit, L. Studien zum deutschen Futur: Die Fügung *werden* mit dem Partizip Präsens und *werden* mit dem Infinitiv in ihren heutigen Funktionen und ihrer geschichtlichen Entwicklung. – Bergen, Oslo: Norwegian Universities Press, 1962. – 282 S.
 27. Schirokauer, A. Das Futurum als Ausdrucksform der Ungewissheit // Monatshefte: A Journal Devoted to the Study of German Language and Literature. – 1953. – Vol. XLV. – NO. 4. – P.268–271.
 28. Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – 340 S.
 29. Welke, K. Contra Invarianz – Tempus im DaF (I): Präsens und Futur // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 2009. – Heft 4. – S. 210–217.
 30. Welke, K. Contra Invarianz – Tempus im DaF (II): Perfekt und Präteritum // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin: Langenscheidt, 2010. – Heft 1. – S.17–25.